Токийские легенды (сборник)

Автор:
Харуки Мураками

Токийские легенды (сборник)

Харуки Мураками

Мураками-мания

Сборник рассказов самого знаменитого мастера современной японской литературы – своего рода коллекция таинственных городских легенд. Здесь призрак серфера, погибшего от зубов акулы, бродит по гавайским пляжам, благополучный отец семейства таинственно исчезает между двадцать четвертым и двадцать шестым этажом высотного дома, перекати-камень в форме почки имеет собственные намерения, а обезьяна из района Синагава охотится за чужими именами.

Харуки Мураками

Токийские легенды

© Замилов А., перевод на русский язык, 2013

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

Случайный путник

Я, Харуки Мураками, – автор этих историй. Рассказывать их я буду от третьего лица, а сам появлюсь только в предисловии. Как в каком-нибудь старинном представлении – выйду перед закрытым занавесом, скажу несколько слов, поклонюсь и уйду. Времени много не займет, поэтому наберитесь терпения.

Почему я здесь появился? Просто подумал, что пришло время рассказать несколько странных историй, случившихся со мной в прошлом. Признаться, случаи такого рода происходили в моей жизни нередко. Некоторые имели смысл и как-то повлияли на мою жизнь. Некоторые же так незначительны, что и не заслуживают особого внимания. Они никак на мне не отразились… пожалуй.

Но даже если вынести этот опыт на суд честной компании, ожидаемого воздействия он не окажет. Скорее всего, рассказ закончится отрезвляющим: «Вот оно как… Чего только на свете не бывает…» Беседу эта фраза не поддержит, а тема захлебнется банальным: «И со мной нечто похожее бывало». Будто пущенная не в то русло вода, мой рассказ уйдет – как в песок. Повиснет короткая пауза, и после нее кто-нибудь другой заведет совсем другой разговор.

Видимо, проблема тут – в манере речи, подумал я и попробовал описать все то же самое в журнальных очерках. Надеялся, что к письменной форме люди отнесутся с большим интересом. Не тут-то было – мне почти никто не поверил. Некоторые так и сказали: все это выдумки. Считали, раз я писатель, то все мои истории в большей или меньшей степени – фантазии. Действительно, когда я пишу прозу, то занимаюсь откровенным сочинительством, на то она и проза. Но в остальное время абсурдных небылиц нарочно не выдумываю.

Так вот, пользуясь случаем, вместо пролога к повествованию я хочу вкратце поведать вам одну причудливую житейскую историю. Самую незначительную. Иначе, если дело дойдет до событий, изменивших мою жизнь, на это уйдет как минимум половина книги.

С 1993 по 1995 год жил я в городке Кембридж штата Массачусетс. Имел статус преподающего писателя и работал над длинным романом «Хроники заводной птицы». На площади Чарльза в Кембридже есть джаз-клуб «Бар Регата», где мне довелось побывать на множестве джем-сейшенов. Зал у них подходящих размеров, атмосфера весьма располагает, там часто играют известные музыканты и много за это не берут.

Как-то раз там выступало трио под руководством пианиста Томми Фланагана. Жена моя тем вечером была чем-то занята, и я пошел в бар один. Томми Фланаган – один из самых моих любимых джазовых пианистов. Обычно в составе какого-нибудь джаз-банда он играет пылко и проникновенно, утонченно-уверенно. Его соло непревзойденно красивы. Устроившись с бокалом калифорнийского мерло в руке поближе к сцене, я наслаждался его выступлением. Но если честно, то в тот вечер его игра не зажигала. Может, он неважно себя чувствовал или был не в духе. Вечер едва начался. Нет, выступление было совсем не плохое, но в нем не хватало чего-то. Не брало за душу. Даже магического блеска в глазах не было. «На него не похоже. Может, еще поймает кураж», – надеялся я и слушал дальше.

Но время шло, а желаемый кураж не приходил. Чем дальше, тем больше во мне крепло что-то вроде раздражения. Не хотелось бы, чтобы все закончилось именно так. В этот вечер хотелось бы чего-то запоминающегося, а завершится все так – и останется лишь разочарование. Или почти ничего не останется. К тому же вряд ли представится случай услышать Фланагана еще раз (как, по сути, и произошло).

Меня вдруг посетила мысль: а что, если мне разрешат заказать две мелодии? Какие я предпочту? Хорошенько поразмыслив, я выбрал «Барбадос» и «Несчастных влюбленных». Первая – композиция Чарли Паркера, вторая – Дюка Эллингтона. Для несведущих в джазе поясню: ни ту ни другую популярной не назовешь. Играют их редко. Первую иногда удается услышать, но в творческом наследии Чарли Паркера она занимает далеко не главенствующее место. Что же до второй, многие ее вообще никогда не слышали. Этим я хочу сказать тебе, читатель, что выбор мой был сделан со вкусом.

У такого мысленного заказа маэстро, несомненно, были свои причины. Томми Фланаган их впечатляюще записал: первую – как пианист на альбоме «Dial J. J.» (1957 год) группы Дж. Дж. Джонсона, вторую – в составе квинтета Пеппера Адамса и Зута Симза на альбоме «Encounter!» (1968 год). За свою долгую карьеру Фланаган переиграл и записал бессчетное количество мелодий, но я любил его соло именно из этих двух – пусть короткие, но интеллектуальные и живительные. Поэтому я и подумал, что было бы здорово услышать их сейчас собственными ушами. Вот он спускается со сцены, прямиком подходит к моему столику и говорит: «Эй, привет! Давно смотрю на тебя. Похоже, ты хочешь что-то услышать на заказ? Валяй, назови пару мелодий!» Представляя эту картину, я не сводил с него глаз. Прекрасно осознавая, что это сумасбродная, несбыточная

идея.

Однако Фланаган даже не взглянул в мою сторону. Не говоря ни слова, он просто сыграл под занавес одну за другой эти две композиции! Сначала балладу «Несчастные влюбленные», затем ритмичную «Барбадос». Не выпустив бокала из рук, я просто лишился дара речи. Я был просто ошеломлен. Надеюсь, любители джаза меня поймут. Вероятность того, что из бесчисленного количества джазовых композиций маэстро напоследок сыграет именно эти две, астрономически ничтожна. И – что немаловажно для такого события – исполнение было прекрасным и чарующим.

Второе событие произошло примерно тогда же. И тоже связано с джазом. В тот день я заглянул после обеда в магазин подержанных пластинок недалеко от музыкального колледжа Беркли. Порыться на полках со старыми дисками – один из немногочисленных смыслов моей жизни. В тот день я откопал старую пластинку Пеппера Адамса «10 to 4 at the 5 spot» лейбла «Riverside». Это живая запись неподражаемого квинтета Пеппера Адамса при участии трубача Доналда Бёрда в нью-йоркском джаз-клубе «Five Spot». «10 to 4» означает «без десяти четыре утра». В смысле, они так разошлись, что играли до рассвета. Фирменное издание в таком состоянии, будто конверт только что вскрыли, – и стоит каких-то семь-восемь долларов. У меня был японский диск, но уже изрядно мною запиленный. К тому же приобрести фирменное издание в таком состоянии и за такие деньги – своеобразное чудо. Сияя от счастья, я купил пластинку и направился к выходу. Там меня окликнул шедший навстречу парень:

– Hey, you have the time?[1 - «Эй, время знаешь?» (англ.) (Здесь и далее прим. переводчика.)]

Я взглянул на часы и машинально ответил:

– Yeah, it’s 10 to 4.

И только после этого чуть не поперхнулся, заметив совпадение. Да ну! Что же такое вокруг меня происходит? Такое ощущение, что бог джаза (если он есть где-нибудь в небе Бостона) улыбается, подмигивая мне: «Yo, you dig it?»[2 - Здесь: «Ну как, в кайф?» (англ.)]

Оба этих случая совершенно незначительны по своей сути. Течения жизни они не изменили. Просто меня поразила сама их причудливость. Из разряда «бывает же такое».

Признаться, я мало интересуюсь оккультными явлениями. Гадания меня не прельщают. Я считаю: чем идти за решением к гадалке, куда лучше напрячь собственную голову. Голова – так себе, но с ее помощью выйдет, по крайней мере, быстрее. Так же безразличен я к экстрасенсам. Если честно, нет у меня ни малейшего интереса ни к метемпсихозу, ни к духам, ни к посланиям насекомых, ни к телепатии, ни к концу света. Это совсем не значит, что я во все это нисколько не верю. Я даже считаю – пусть будет, раз есть. Лишь бы не касалось меня лично. И все же немногочисленные таинственные явления время от времени оставляют след даже в моей скромной жизни.

И что, я их целенаправленно анализирую? Ничуть. Просто принимаю как есть и продолжаю жить, как и прежде. Размышляя: «Бывает же такое» или «Пожалуй, бог джаза существует».

Следующую историю рассказал мне один знакомый. Я по какому-то поводу изложил ему два предыдущих эпизода, после чего он серьезно задумался и наконец произнес:

– По правде говоря, мне довелось пережить нечто похожее. Ни с того ни с сего. Особо странным этот опыт не назовешь, но подходящее объяснение происшедшему на ум не приходит. Как бы там ни было, случайное стечение обстоятельств в результате привело меня в совершенно неожиданное место.

Чтобы стало непонятно, о ком идет речь, я изменил несколько фактов, а в остальном сохранил его рассказ как есть.

Он – настройщик пианино. Живет в западной части Токио, недалеко от реки Тама. Сорок один год, гомосексуалист. Своих сексуальных наклонностей особо не скрывает. Есть у него бойфренд на три года младше – он работает в сфере недвижимости и постоянно бывает занят. Поэтому живут они порознь. Хоть мой знакомый – настройщик, но окончил консерваторию по классу фортепиано и навыков игры на инструменте не теряет. Он мастерски и проникновенно

исполняет произведения французских композиторов Дебюсси, Равеля, Эрика Сати. Но больше всего любит музыку Франсиса Пуленка.

– Пуленк был геем и не пытался этого скрывать, – как-то раз сказал он мне. – По тем временам ему приходилось несладко. Он часто говаривал: «Я бы не состоялся как композитор, не будь я геем». И я прекрасно понимаю, что он хотел этим сказать. То есть, чтобы стать искренним со своей музыкой, нужно также быть искренним с собой как с гомосексуалистом. Такова музыка, такова сама жизнь.

Мне самому давно нравится музыка Пуленка, поэтому, когда мой знакомый приходит настроить наше старое пианино, после работы иногда он играет несколько коротких композиций. Например, «Французскую сонату» или «Пасторальную».

Гомосексуализм в себе он открыл, поступив в консерваторию. Прежде об этом даже не задумывался. Симпатичный, воспитанный, спокойный, в школьные годы он был популярен у девчонок. Одной подруги у него не было, но на свидания несколько раз ходил. С девчонками ему нравилось гулять. Нравилось рассматривать вблизи волосы девушек, вдыхать их запах на затылке, сжимать маленькие руки. Но сексуального опыта у него не было. На одном свидании он понял, что девушка ждет от него определенных действий. Но решиться на этот шаг не смог. Он не ощущал в себе необходимости такого шага. Все без исключения товарищи его были одержимы этим неистовым демоном по имени «сексуальный импульс», не справлялись с таким напором и, как могли, рассеивали его вокруг. Однако в моем знакомом такого импульса не наблюдалось. И он считал себя «позднеспелым сортом». А может, свою истинную любовь просто еще не встретил?

Поступив в консерваторию, мой знакомый начал встречаться с сокурсницей, учившейся на отделении ударных инструментов. Она оказалась хорошей собеседницей, и когда они бывали вместе, возникало ощущение близости. Уже вскоре после знакомства они занялись в ее комнате сексом. По ее прихоти. Отчасти сделал свое дело алкоголь. Все прошло без каких-либо помех, но почему-то не так заводило и волновало, как в чужих рассказах. Скорее мой знакомый решил, что это какой-то грубый гротеск. Он никак не мог привыкнуть к еле различимому запаху, исходящему от женского тела при сексуальном возбуждении. Чем осуществлять с подругой непосредственно половой акт, ему было куда приятнее вести дружескую беседу, играть дуэтом музыку, вместе

ужинать. И с каждым днем секс с нею стал его все больше тяготить.

Но даже при этом он по-прежнему считал себя сексуально равнодушным человеком. И вот однажды… ладно, не будем об этом. Начнешь рассказ – и не будет ему ни конца ни края, тем более что к этой истории он прямого отношения не имеет. Так или иначе, произошло нечто, и в результате обнаружился несомненный факт: он – гомосексуалист. Выдумывать подходящую причину было лень, и он откровенно признался подруге: «Знаешь, похоже, я гомосексуалист». А уже через неделю почти все окружающие знали, что он гей. Слухи расползлись и дошли до его родственников, лишили его нескольких близких товарищей, испортились отношения с родителями, но в конечном итоге ему уже было все равно. Скрывать скелеты в шкафу было не в его характере.

Однако самым сильным последствием оказался разрыв со старшей сестрой – самым близким ему человеком в семье. Между ними было два года разницы. О том, что он гей, узнали родственники ее жениха, и разговоры о ее замужестве чуть было не зашли в тупик. Кое-как уговорив родителей избранника, семье удалось довести дело до свадьбы, но из-за всей этой истерии сестру чуть не разбил невроз, и она страшно сердилась на младшего брата. «Зачем было кликать бурю именно в такой щекотливый момент?» – буквально орала она. Ответить, разумеется, было нечего. С тех пор от их былой взаимной привязанности не осталось и следа. На ее свадьбу мой знакомый тоже не поехал.

Как одинокий гей жил он вполне самодостаточно. Крепкий, учтивый, с чувством юмора. Почти никогда не сходила с лица приятная улыбка. Если не брать в расчет гомофобов, люди как-то сами к нему тянулись. Специалист он был первоклассный, недостатка в клиентах не возникало, и заработок у него оставался стабильным. Часто к нему обращались известные пианисты. Купив квартиру с двумя спальнями на углу студгородка, он уже почти полностью выплатил кредит. Установил дорогую аудиоаппаратуру, был сведущ в макробиотическом питании, пять раз в неделю ходил в спортзал – сбрасывал излишки веса. Встречался с несколькими мужчинами, но, познакомившись с нынешним партнером, уже почти десять лет поддерживал с ним ровные, лишенные неудовлетворенности сексуальные отношения.

По вторникам мой знакомый садился в двухместный кабриолет «хонда» (зеленый, на коробке), переезжал по мосту реку Тама и ехал в большой торговый комплекс в префектуре Канагава[3 - Имеется в виду торговый центр «Маруи»

(«OIOI»), расположенный по 246-му государственному шоссе, недалеко от станции Такацу.]. Там располагались крупные магазины – «Gap», «Toys“4”Us», «The Body Shop». По выходным в комплексе такое невообразимое столпотворение, что непросто даже место для стоянки найти, зато в будни с утра – полное затишье. Купить какую-нибудь интересную книгу и пить кофе, листая ее, – вот что стало его привычным занятием по вторникам.

– Сам торговый центр – отвратительный. Это уж как водится. Но кафе на удивление – очень уютное, – рассказывал он. – И приметил я его совершенно случайно. Никакой музыки, курить запрещено, подушки на стульях идеальны для чтения: не слишком мягкие, не слишком твердые. И в зале всегда пусто. Мало кто утром по вторникам заходит выпить кофе. А если и ходят, то в «Старбакс», он рядом.

И вот по вторникам он с десяти до часу предавался чтению в этом непопулярном кафе. В час съедал в соседнем ресторане салат с тунцом, выпивал бутылку «Перрье», затем шел в спортзал. И так – каждую неделю.

В тот вторник он, как обычно, читал книгу в кафе. «Холодный дом» Чарльза Диккенса. Когда-то он ее уже читал, но тут, увидев в магазине, решил купить и перечесть заново. Он смутно помнил, что история там интересная, но сюжет на ум никак не шел. Вообще-то Диккенс – один из его любимых писателей: с его книгой можно позабыть обо всем на свете. Вот и теперь история захватила его с первой же страницы.

Так прошел час. Мой знакомый устал, закрыл книгу, положил на столик, подозвал официантку и заказал еще кофе. Затем сходил в туалет торгового центра и вернулся. А когда сел на место, к нему из-за соседнего столика обратилась женщина – она тоже тихо читала.

– Извините, можно у вас поинтересоваться? Он посмотрел на нее с дежурной улыбкой.

– Пожалуйста. Что вам угодно?

– Я понимаю, что подобным образом обращаться неприлично. Просто меня заинтересовала одна вещь… – сказала она и слегка покраснела.

– Я не возражаю… все равно я ничего особого не делаю… Не стесняйтесь.

– Книга, которую вы сейчас читаете, случайно, не Диккенс?

– Диккенс. – Он взял книгу и показал ей. – «Холодный дом».

– Я так и думала, – сказала женщина так, словно у нее отлегло от сердца. – Взглянула на обложку и подумала, не она ли.

– Вам тоже нравится «Холодный дом»?

– Да. Как бы это сказать… Получается, я тоже читаю ту же самую книгу. Рядом с вами. Совершенно случайно. – И она, сняв чехол, показала обложку.

И впрямь удивительное совпадение. Утром в будний день в пустом кафе пустынного торгового центра за соседними столиками два человека читают одну и ту же книгу. Причем не широко известный бестселлер, а произведение, которое и среди работ Диккенса обычным не назовешь. Оба поразились удивительному повороту судьбы, и неловкость первой встречи улетучилась.

Оказалось, женщина эта живет в недавно достроенном жилом квартале неподалеку от этого центра. «Холодный дом» купила в этом же книжном пять дней назад. Расположилась в этом кафе, заказала черный чай, открыла книгу – и уже не могла оторваться. Когда опомнилась, минуло два часа. С таким увлечением она читала впервые со студенческой поры. Ей показалось, что проводить время вот так – очень приятно, и она опять сюда вернулась – читать «Холодный дом» дальше.

Женщина была небольшого роста, довольно стройна, хотя на талии уже начал откладываться жирок. Большая грудь, славное лицо. Чувствовался изысканный вкус в одежде, на которую женщина явно не скупилась.

Некоторое время они разговаривали. Выяснилось, что она ходит в литературный кружок и «Холодный дом» выбрали там «книгой месяца». Среди членов клуба нашлась любительница Диккенса – и предложила эту книгу. У новой знакомой было двое детей – девочки шести и восьми лет. Поэтому обычно найти время для чтения ей очень трудно. Но иногда она вот так меняет обстановку и выкраивает

свободную минутку. Как правило, ей приходится общаться с мамашками одноклассниц дочерей, а общих тем для разговоров с ними нет: те либо обсуждают телепрограммы, либо сплетничают об учителях. Потому она и вступила в местный литературный кружок. Муж раньше литературой интересовался, но в последнее время сильно занят работой в своей торговой фирме. Его хватает максимум на специализированные книги и брошюры.

Мой знакомый тоже вкратце рассказал о себе. Работает настройщиком пианино. Живет на том берегу реки Тама. Холост. Каждую неделю приезжает сюда на машине почитать книги, потому что ему здесь нравится. О том, что гей, говорить не стал. Он не старался это скрывать, но и трезвонить на каждом углу первому встречному тоже незачем.

Они вместе пообедали в одном из ресторанов торгового центра. Новая знакомая оказалась женщиной открытой и естественной. Стоило первому напряжению сойти, часто смеялась. Негромко, тоже очень естественно. И не спрашивая ни о чем, можно было представить, как она жила до сих пор. Ее с любовью вырастили в сравнительно обеспеченной семье из Сэтагая. Она поступила в неплохой институт, училась на «отлично», пользовалась успехом (причем больше у однокурсниц, нежели однокурсников), вышла замуж за очень самостоятельного мужчину на три года старше себя, родила двух дочерей. Девочки ходят в частную школу. И хоть не скажешь, что все двенадцать лет супружеская жизнь пестрила яркими красками, зато и никаких проблем в ней тоже не возникало. За легким обедом они обсуждали недавно прочитанные книги, говорили о любимой музыке. И проговорили так целый час.

– Было очень приятно с вами побеседовать, – сказала она после еды, залившись румянцем. – Вокруг меня нет людей, с кем можно было бы свободно пообщаться.

– Мне тоже очень приятно, – ответил мой знакомый. И не покривил душой.

В следующий вторник, когда он в том же кафе так же читал книгу, пришла она. Встретившись взглядами, они чуть улыбнулись друг другу и обменялись легкими поклонами. Сидя за разными столиками, они молча читали «Холодный дом». Когда настало время обеда, она первой подошла к его столу и заговорила. Затем, как и на прошлой неделе, решили вместе пообедать.

– Здесь поблизости есть неплохой французский ресторанчик. Может, туда? – предложила она. – В этом торговом центре нет ни одного приличного заведения.

– Хорошо. Пойдемте, – согласился он.

Они поехали на ее машине (голубой «Пежо-306», на автомате). Заказали кресс-салат и судака на гриле. Также взяли по бокалу белого вина. И, сидя друг напротив друга за столом, разговаривали о романах Диккенса.

После обеда, на обратном пути к торговому центру, она остановила машину на стоянке парка и взяла его за руку. Сказала, что хотела бы пойти с ним куда-нибудь в «укромное место». Его слегка удивило столь стремительное развитие событий.

– Выйдя замуж, я никогда себе такого не позволяла. Ни разу, – сказала она, словно извиняясь, – Честно. Но всю прошедшую неделю я думала только о вас. Я не буду вам в тягость. Хлопот тоже не доставлю. Разумеется, если вы не против.

В ответ он нежно сжал ее руку. И тихо объяснил ситуацию.

– Будь я обычным мужчиной, – сказал он, – я бы с удовольствием пошел с вами куда-нибудь в «укромное место». Вы – очаровательная женщина, и я могу представить, как прекрасно нам было бы наедине. Но я, сказать вам правду, – гомосексуалист. Я с другим полом не могу. Есть геи, способные на секс с женщинами, но я не такой. Поймите меня правильно. Я могу стать вашим другом, но вот любовником, к сожалению, быть не смогу.

Смысл сказанного дошел до нее не сразу. Во всяком случае, это был первый опыт знакомства с геем в ее жизни. А когда все поняла, она заплакала. Плакала долго, уткнувшись в плечо настройщика. «Пожалуй, для нее это шок. Сочувствую», – думал он, обнимая женщину и нежно гладя ее по голове.

– Простите, – сказала она. – Из-за меня вам пришлось сказать то, чего вы не хотели говорить.

– Не переживайте, я этого и не скрываю. Пожалуй, мне стоило признаться с самого начала. Чтобы вы не поняли меня неправильно. Раз уж на то пошло, я

перед вами больше виноват.

И он, не торопясь, и дальше нежно гладил ее волосы длинными музыкальными пальцами. Женщина понемногу успокоилась. Он заметил на мочке ее правого уха маленькую родинку, и его затопила удушающая нежность. У старшей сестры в том же месте была примерно такая же. В детстве, когда сестра спала, он часто пытался стереть эту родинку пальцем – шутки ради. Сестра всегда просыпалась и сердилась на него.

– Всю неделю перед встречей с вами я трепетала, – сказала женщина. – Давно со мной такого не было. Будто молодость вернулась – настолько было приятно. Поэтому… ладно уж. Сходила в косметический салон, села на краткосрочную диету, итальянское белье новое купила…

– Изрядно же я заставил вас потратиться, – улыбнулся он.

– Пожалуй, все это мне было необходимо.

– Вы о чем?

– Мне хотелось придать своему настроению какую-нибудь форму.

– Например, купить сексуальное итальянское белье?

Женщина покраснела до ушей.

– Оно не сексуальное. Нисколько. Просто очень красивое.

Настройщик ласково улыбнулся и посмотрел ей в глаза. Чтобы разрядить обстановку, как-то безобидно пошутил. Она это поняла и тоже улыбнулась. Некоторое время они еще смотрели друг другу в глаза.

Затем мой знакомый вынул платок и вытер ей слезы. Женщина приподнялась и поправила макияж, глядя в зеркальце на солнцезащитном козырьке.

– Послезавтра мне будут делать анализ на рак груди, – сказала она, остановив машину на парковке торгового центра и поставив ее на ручник. – Сообщили, что

на снимке при обычном осмотре обнаружили подозрительную тень и хотят уточнить. Если это действительно рак, придется сразу лечь в больницу на операцию. Может, сегодня все так получилось еще и поэтому. Одним словом… – Повисла пауза. Затем женщина несколько раз покачала головой. Медленно, но с силой. – Сама ничего не понимаю.

Настройщик некоторое время прислушивался к ее молчанию. Напрягая слух, пытался уловить едва слышимые звуки.

– По вторникам в первой половине дня я почти всегда здесь, – сказал он. – Ничего особенного обещать не могу, но в собеседники, надеюсь, сгожусь. Если, конечно, такой, как я, вас устроит.

– Никому не говорила. Даже мужу.

Он положил свою руку поверх ее, лежавшей на рычаге ручного тормоза.

– Очень страшно, – сказала она. – Иногда ни о чем не могу думать.

Рядом остановился синий микроавтобус, из которого вышли супруги средних лет – в дурном расположении духа. Судя по голосам, они из-за чего-то бранились. Чего-то очень пустого. Стоило им уйти, вокруг опять воцарилась тишина. Глаза женщины были закрыты.

– Сейчас неуместно говорить громкие слова, – произнес настройщик. – Однако, если я не знаю, что делать дальше, стараюсь всегда следовать одному правилу.

– Правилу?

– Если поставлен перед выбором: бесформенный предмет или предмет с формой, – выбирай бесформенный. Это и есть мое правило. Когда я натыкался на стену, всегда ему следовал, и если не спешил с выводами, это всегда приводило к хорошим результатам. Даже если в тот момент было тяжко.

– Вы сами его придумали?

– Да, – ответил он, уставившись в приборную панель «Пежо», – это эмпирика.

– Если поставлен перед выбором: бесформенный предмет или предмет с формой, – выбирай бесформенный, – повторила она.

– Именно.

На мгновенье женщина задумалась.

– Пусть даже так, но я сейчас ничего понять не могу. В чем есть форма, а в чем ее нет.

– Может быть. Но, скорее всего, где-то выбор делать придется.

– Вы так считаете?

Он легко кивнул.

– У такого гей-ветерана, как я, много разных особенных способностей.

Она засмеялась:

– Спасибо.

Опять повисла долгая пауза, но в ней уже не было густого удушья, как прежде.

– Прощайте. И спасибо вам за все. Хорошо, что я с вами встретилась и смогла вот так поговорить. Кажется, вы придали мне уверенности.

Он улыбнулся и пожал ей руку.

– Будьте здоровы.

Он проводил взглядом удаляющийся голубой «Пежо», напоследок помахал рукой зеркалу заднего вида и не спеша побрел к своей «Хонде».

Весь следующий вторник лил дождь. Женщина в кафе не появилась. Настройщик молча почитал книгу до часу дня и поехал обратно.

Он решил в тот день не ходить в спортзал. Настроения разминаться не было. Так и не пообедав, сразу вернулся домой. Развалившись на диване, он слушал баллады Шопена в исполнении Артура Рубинштейна. Стоило закрыть глаза – и перед ним плыло лицо невысокой женщины за рулем «Пежо», в пальцах воскресало прикосновение к ее волосам, отчетливо вспоминалась темная родинка на мочке уха. Прошло время, образы исчезли, но форма родинки осталась отчетливой. Открыты ли, закрыты ли глаза – там все равно всплывала эта маленькая черная точка и, словно пропущенный знак препинания, тихо, но неумолимо бередила ему душу.

Около трех он решил позвонить сестре. С их последнего разговора прошло немало лет. Интересно, сколько. Десять? Выходит, такое долгое у них отчуждение? Когда разговоры о свадьбе повисли в воздухе, на нервах они наговорили друг другу такого, чего не должны были говорить. Это и стало одной из причин. Другая же заключалась в том, что он не пришелся по нраву человеку, за которого сестра вышла замуж. Тот был надменным снобом и считал иную сексуальную ориентацию чуть ли не инфекционным заболеванием. Мой знакомый предпочитал бы держаться от него подальше.

После долгих сомнений с трубкой в руках настройщик все же набрал номер полностью. После дюжины долгих гудков отчаялся было – и при этом у него как-то отлегло от сердца – и уже собирался положить трубку, но тут сестра ответила. Таким родным голосом. Сообразив, что это он, замолчала – и на том конце провода повисла пауза.

– Что произошло? Зачем позвонил? – безразлично спросила она.

– Не знаю, – честно признался настройщик. – Просто мне показалось, что надо. Как-то мне за тебя тревожно.

Опять тишина. Долгая. «Видимо, она по-прежнему на меня сердится», – подумал он.

– В принципе никаких дел у меня нет. Хорошо, если ты жива-здорова.

– Подожди, – вымолвила она. По ее голосу он понял: сестра беззвучно плакала с трубкой в руках. – Извини, ты бы не мог немного подождать?

Опять повисла тишина. Все это время он прижимал трубку к уху. Но там не было слышно ничего. Ни единого признака жизни. Затем сестра сказала:

– У тебя сейчас есть время?

– Есть. Сегодня выходной.

– Ничего, если я к тебе приеду?

– Приезжай. Встречу на станции.

Через час он подобрал сестру на станции и отвез к себе. После десяти лет разлуки ни он, ни она не могли не увидеть, что оба постарели. Годы брали свое. И внешний облик, как в зеркале, отражал эти перемены. Сестра оставалась стройна, стильна и выглядела лет на пять моложе своего возраста. Но во впалости щек угадывалась уже не такая строгость, как прежде. Пронзительные черные глаза слегка потускнели. Настройщик тоже держался моложе своих лет, но и при первом взгляде было видно, как отступают края его шевелюры. В машине брат и сестра от неловкости обменивались банальными фразами: как работа, здоровы ли дети. Вести об общих знакомых, родителях. Когда вошли в квартиру, настройщик поставил чайник на кухне.

– До сих пор играешь? – спросила она, увидев инструмент в гостиной.

– Как хобби. И только легкие мелодии. Если посложнее, пальцы уже не бегают.

Она открыла крышку фортепиано и опустила пальцы на стертые клавиши.

– Думала, ты со временем станешь великим пианистом.

– Музыкальный мир – могила вундеркиндов, – сказал он, засыпая зерна в кофемолку. – Разумеется, мне было очень жаль. Даже не мечтать стать пианистом. Само собой, расстроился. Казалось, все накопленное пошло прахом. Даже захотелось как-то раствориться в чем-нибудь. Но, если задуматься, слух у

меня чутче пальцев. Исполнителей лучше меня – хоть отбавляй, а вот такой острый слух еще надо поискать. Я это понял почти сразу, как поступил в консерваторию. Вот и подумал: чем становиться второсортным пианистом, мне же будет лучше стать первоклассным настройщиком.

Он достал из холодильника сливки для кофе, перелил их в фарфоровый кувшинчик.

– И странное дело. Решив стать настройщиком, я, наоборот, стал с удовольствием играть на пианино. Ведь с детских лет я изо всех сил учился играть. Мне по-своему было интересно прибавлять в мастерстве, повторяя упражнения снова и снова. Но при этом я не помню, чтобы хоть раз играл на пианино с удовольствием. Я лишь садился за клавиши, чтобы одолеть сложный пассаж. Чтоб играть без ошибок, в пальцах не путаться, восхищать людей. Но вот расставшись с мыслью о карьере пианиста, я наконец постиг радость исполнения музыки. Оказывается, музыка – прекрасна. Казалось, у меня гора с плеч свалилась. Но пока я нес эту ношу, никак ее не ощущал.

– Ты ни разу не говорил мне об этом.

– Разве?

Сестра молча покачала головой. «Может, и так, – подумал он. – Может, действительно не говорил. По крайней мере так».

– То же самое было, когда я обнаружил, что гей, – продолжал он. – Я сразу разрешил несколько внутренних сомнений, которые никак не мог уравновесить. «Вот оно как!.. Так вот по какой причине!..» И мне стало намного легче. Будто вдруг растаял туман и проступил пейзаж. После того как я расстался с мечтой стать пианистом и признался в собственной гомосексуальности, окружающие, пожалуй, во мне разочаровались. Однако я хочу, чтобы они поняли: сделав это, я наконец-то смог вернуться к собственному «я». К естественной форме себя.

Он поставил перед сестрой кофейную чашку. Сам сел рядом на диван с кружкой в руке.

– Пожалуй, мне следовало получше разобраться в тебе, – сказала сестра. – Но перед этим было бы неплохо, если ты бы нам все объяснил. Рассказал как на

духу. Что ты думал в то время…

– Да не хотел я никому ничего объяснять, – перебил ее настройщик. – Хотел, чтобы меня поняли безо всяких объяснений. Особенно ты. Моя сестра.

Она молчала. Сказал он:

– В ту пору я нисколько не думал о настроении окружавших меня людей. Мне просто было не до того.

От воспоминаний голос его дрогнул. Хотелось расплакаться, но он сдержался. И продолжил:

– Моя жизнь как-то вдруг перевернулась вверх дном. Я едва цеплялся, чтобы меня не столкнуло с подножки. Очень боялся. Было жутко. Какие тут объяснения? Казалось, я лечу в пропасть. Поэтому я просто хотел, чтобы меня поняли. И крепко обняли. Без каких-либо доводов и объяснений. Но никто…

Сестра закрыла руками лицо. Ее плечи дрогнули, она бесшумно зарыдала. Настройщик нежно опустил руку ей на плечо.

– Прости, – сказала она.

– Ладно, чего уж там, – ответил он. Налил в кофе сливки, размешал и медленно, чтобы успокоиться, стал пить. – Незачем плакать. Я тоже был хорош.

– Послушай, а с чего это ты сегодня позвонил? – Сестра подняла голову и посмотрела ему в лицо.

– Сегодня?

– Десять лет не звонил, а тут именно сегодня…

– Да так… Кое-что произошло, вот и подумал о сестрице. Как она там? Вот бы услышать ее голос. Только и всего.

– То есть ты ни от кого ничего не слышал?

В голосе сестры слышались особенные нотки, и он насторожился.

– Нет, ни от кого и ничего. А что случилось?

Сестра помолчала, как бы собираясь с духом. Он терпеливо ждал.

– Дело в том, что я завтра ложусь в больницу.

– В больницу?

– Послезавтра операция. Рак груди. Отрежут правую сторону. Полностью. При этом никто не знает, остановит это развитие опухоли или нет. Непонятно, пока не удалишь.

Настройщик долго не мог вымолвить ни слова. Продолжая обнимать сестру, он бессмысленно разглядывал обстановку гостиной: часы, вазу, календарь, стереосистему, пульт. Вроде бы привычные предметы в привычной комнате, но расстояние между ними почему-то не улавливалось.

– Долго колебалась, сообщать тебе или не стоит, – сказала сестра. – Но мне в конце концов показалось, что лучше не сообщать, вот я и молчала. Очень хотела с тобой увидеться. Думала, обязательно нужно хотя бы раз не спеша поговорить. Тем более есть за что извиниться. Но… не по такой же причине встречаться спустя много лет. Понимаешь, о чем я?

– Понимаю.

– Раз уж встречаться, то по веселому поводу – и чтоб настроение хорошее. Поэтому в душе я и решила, что не следует тебе сообщать. А тут ты со своим звонком…

Он, ничего не говоря, крепко обнял сестру за талию. Грудью ощутил форму ее груди. Сестра, положив голову ему на плечо, плакала. И еще долго они сидели не шевелясь.

Наконец сестра спросила:

– Ты говорил, что-то произошло и ты подумал обо мне. Если не секрет, что это было?

– Как тебе сказать. Вкратце не объяснишь. Так, мелочи. Наслоение нескольких случайностей. Совпали друг с другом, вот я и…

Он покачал головой. Расстояния толком еще не вернулись к предметам. Пульт и вазу разделяли несколько световых лет.

– Боюсь, не смогу объяснить.

– Ладно, – ответила сестра. – И все-таки хорошо… Честное слово, хорошо…

Он дотронулся до мочки ее правого уха, слегка поскреб родинку пальцем. И, словно посылая бессловесное послание в укромное место, нежно поцеловал ее ухо.

– Сестре сделали операцию, удалили правую грудь. К счастью, опухоль дальше не распространилась, удалось обойтись минимумом химиотерапии. И волосы, к счастью, не выпали. Сейчас она вполне здорова. Каждый день я ходил к ней в больницу. Еще бы, женщине лишиться груди – дело такое… После выписки я стал чаще у нее бывать. Мы крепко подружились с племянником и племянницей – неразлейвода. Я даже стал учить девочку играть на пианино. Мне тоже кажется, что она способная. Муж сестры оказался совсем не так плох, как я считал раньше. Разумеется, не без спеси, быдловат, но работает не покладая рук и, что самое главное, о сестре заботится. Наконец до него дошло, что гомосексуализм – не инфекция и его детям не передастся. Такой маленький, но великий шаг вперед. Сказав это, он засмеялся.

– Когда мы примирились с сестрой, моя жизнь стронулась с места. По сравнению с прошлым теперь я могу жить как-то естественнее… Пожалуй, к этому я и должен был стремиться. В глубине души все эти годы мне хотелось помириться и обняться с сестрой.

– Однако для этого был необходим повод?

– Именно. – Мой знакомый несколько раз кивнул. – Повод был важнее всего прочего. Я тогда еще подумал: а не есть ли случайное совпадение явление банальное? Иными словами, такое то и дело происходит вокруг нас в повседневной жизни. Только почти ничего не попадается на глаза, остается незамеченным. Как запущенный средь бела дня салют. Слышен только слабый хлопок, а смотришь в небо – и ничего не видно. Однако, если мы хотим чего-то очень сильно, оно непременно всплывет у нас в поле зрения отдельным посланием. И мы отчетливо распознаем его форму и оттенок значения. А увидев раз, удивляемся: «Ого, бывает же такое, вот странно». Хотя ничего странного в этом нет. И казаться нам так не должно. Бред, наверное?

Я задумался. И уже был готов ответить: «Да, пожалуй, так и есть». Только никакой уверенности у меня не было. Можно ли вообще так просто судить о подобных вещах.

– Мне, что ни говори, хотелось чуточку проще: и дальше верить в легенду о боге джаза, – сказал я.

Он рассмеялся:

– Тоже неплохо. Еще бы геям своего бога…

Как сложилась дальнейшая судьба невысокой женщины, встретившейся моему знакомому в кафе, мне не известно. Наше пианино не настраивали уже больше полугода, и случая увидеться с ним у меня не было. Скорее всего, до сих пор по вторникам он переезжает через реку Тама и едет в то кафе при книжном магазине. Может, даже виделся с ней, но я до сих пор ничего об этом не слышал. Выходит, история пока что на этом заканчивается.

О бог джаза, или геев, или какой-нибудь другой бог – мне все равно, – прошу тебя от всего сердца: где-нибудь, как-нибудь, легонько, сделав вид, будто это случайно, – защити эту женщину. Очень по-простому, ненароком.

Бухта Ханалей

Сын Сати погиб от зубов гигантской акулы в бухте Ханалей, когда ему было девятнадцать лет. Нет, акула не съела его заживо. Когда он, выйдя один в море, катался на серфе, акула откусила ему правую ногу, и он утонул от полученного шока. Поэтому в официальной версии причины смерти так и записали: «Утонул». Доска тоже оказалась перекушенной почти напополам. Нельзя сказать, что акулам нравится охотиться на людей. Человечье мясо им не нравится. После первого укуса они, как правило, расстраиваются и убираются восвояси. Поэтому в случае нападения акулы люди часто выживают, теряя лишь руку или ногу. Главное – не паниковать. Однако ее сын сильно испугался, и это привело к сердечному приступу. Нахлебался воды и утонул.

Получив известие из японского консульства в Гонолулу, Сати как стояла – так и села на пол. В голове все опустело, думать ни о чем не могла… Она просто бессильно сидела, уставившись в одну точку на стене. Как долго просидела – не помнит. Однако вскоре пришла в себя и позвонила в авиакомпанию – заказать билет до Гонолулу. Как сказал ей сотрудник консульства, необходимо как можно быстрее приехать на место происшествия и уточнить, ее это сын или нет. Не исключается элементарная ошибка.

Однако из-за вереницы выходных билетов до Гонолулу не оказалось ни на этот, ни на следующий день. Причем во всех авиакомпаниях. Правда, стоило ей объяснить ситуацию, сотрудник «Юнайтед эрлайнс» сказал:

– Скорее приезжайте в аэропорт. Постараемся для вас что-нибудь сделать.

Наскоро собрав вещи, Сати приехала в Нариту, где сотрудница авиакомпании вручила ей билет в бизнес-класс.

– Свободно только это место, но мы с вас возьмем как за экономкласс, – сказала девушка. – Понимаю, как вам тяжело, но, пожалуйста, не падайте духом.

– Спасибо, вы мне очень помогли, – поблагодарила ее Сати.

Уже в аэропорту Гонолулу Сати поймала себя на мысли, что со всей этой спешкой забыла сообщить сотруднику консульства время прибытия рейса. Тот, в свою очередь, должен был сопровождать ее прямо до острова Кауайи. Однако звонить теперь и договариваться о встрече Сати уже не хотелось, и она решила поехать сама. Главное – добраться до места, а там уж как-нибудь… Сделав

пересадку, она оказалась на острове Кауайи перед обедом. Тут же в аэропорту, в отделении компании «Эйвис», взяла машину и поехала в ближайший полицейский участок. Там она сказала, что прилетела из Токио, получив сообщение о гибели сына в бухте Ханалей. Седоватый полицейский в очках проводил ее в морг, напоминавший холодильный склад, где показал ей труп с откушенной чуть выше колена правой ногой. Скорбно торчала белая кость.

Это, без сомнений, был ее сын. Никакого выражения на лице – казалось, он просто крепко спит. Трудно поверить, что он мертв. Видимо, кто-то подправил ему лицо. Казалось, стоит посильнее тряхнуть за плечо – и он, ворча, проснется. Как раньше бывало каждое утро.

В соседней комнате она поставила подпись в документах, подтверждавших, что труп – ее сын.

– Как вы собираетесь поступить с телом? – осведомился полицейский.

– Не знаю, – ответила она. – Как обычно поступают в таких ситуациях?

– В таких ситуациях обычно кремируют и забирают прах с собой, – сказал полицейский. – Конечно, возможно прямо так увезти тело в Японию, но тут очень сложные формальности и это будет стоить денег. Также можно похоронить на кладбище Кауайи.

– Тогда, пожалуйста, кремируйте. Я увезу прах в Токио, – сказала Сати.

Сын мертв, и, что ни делай, вернуть его к жизни уже невозможно. Какая разница, будет это прах, или кости, или труп. Она поставила подпись в разрешении на кремацию. Заплатила, сколько сказали.

– У меня только «Американ экспресс», – сказала она.

– Этого вполне достаточно, – ответил полицейский.

Она подумала: «Я оплачиваю “Американ экспресс” расходы по кремации сына». Какой-то нереальный абсурд. Как отсутствовала реальность и в том, что на сына напала акула и он умер. Кремацию назначили на первую половину следующего

дня.

– А вы неплохо говорите по-английски, – перебирая документы, сказал седоватый полицейский – сын японских иммигрантов по фамилии Саката.

– В молодости я некоторое время жила в Америке, – ответила Сати.

– Вот как… – И полицейский передал ей вещи сына.

Одежда, паспорт, обратный билет на самолет, кошелек, плеер, журнал, солнечные очки, несессер с туалетными принадлежностями. Все это свободно поместилось в небольшой сумке – «банане». Сати следовало поставить подпись в расписанной до мелочей ведомости передачи личного имущества покойного.

– У вас есть еще дети?

– Нет, сын был только один.

– Супруг не смог приехать с вами?

– Супруг давно умер.

Полицейский глубоко вздохнул.

– Простите. Если мы сможем вам хоть чем-то помочь, говорите, не стесняйтесь.

– Покажите место, где он умер. И где ночевал. Там ведь, наверное, нужно заплатить? И еще я хочу связаться с японским консульством – можно от вас позвонить?

Полицейский принес карту и пометил маркером места, где сын серфинговал и где расположена гостиница. Сама она решила остановиться в городе в маленьком отеле, который ей порекомендовал Саката.

– У меня к вам одна личная просьба, – сказал на прощанье пожилой полицейский. – Здесь, на Кауайи, природа нередко лишает людей жизни. Как вы

сами можете убедиться, природа эта очень красива, но временами становится буйной и даже смертельной. Мы здесь живем, никогда не исключая такой вероятности. Мне очень жаль вашего сына. Сочувствую вам от всего сердца. Однако мне не хочется, чтобы из-за случившегося вы наш остров возненавидели. Вам эта просьба может показаться дерзкой. Но больше я ни о чем не прошу.

Сати кивнула.

– Мэм, брат моей матери погиб в Европе в сорок четвертом году. Во Франции, недалеко от границы с Германией. Они с другими бойцами подразделения, собранного из потомков японских иммигрантов, пошли спасать окруженный нацистами батальон из Техаса, попали под прямой артобстрел немецких войск. Моего дядю убили. От него остались лишь солдатский жетон да куски тела… разбросанные по белому снегу… Мать очень любила брата и с тех пор, говорят, сильно изменилась. Разумеется, я сам ее помню только после всех этих потрясений. Это очень больная тема. – Сказав это, Саката покачал головой. – Какой бы ни была причина, смерть на войне – всегда результат гнева и ненависти. Чего не скажешь о природе. Для вас это, несомненно, очень горький опыт, но по возможности старайтесь думать так: «Сын вне какой-либо связи с причинами, гневом и ненавистью вернулся в лоно природы».

На следующий день, покончив с кремацией и получив маленькую алюминиевую урну с останками, Сати поехала на машине до бухты Ханалей, что на северной оконечности острова. От городка Лихуэ, где располагалось полицейское управление, на дорогу ушло около часа. Несколько лет назад на остров обрушился мощнейший тайфун, и почти все деревья до сих пор выглядели изрядно покореженными. На глаза ей попадались остатки деревянных домов с сорванными крышами. Кое-где даже горы осыпались. Суров был окружающий пейзаж.

Серфингисты собирались на окраине дремотного городка Ханалей. Сати оставила машину на стоянке поблизости, села на песчаный берег и стала наблюдать, как пять серферов скользят по волнам. Взяв доски, они уплывали в открытое море. А когда приходила высокая волна, ловили ее, подрулив, взбирались на доску и скользили по гребню до самого побережья. Если же волна рассыпалась, они теряли равновесие и падали в воду. Затем, подобрав доску, опять гребли и, подныривая под волны, возвращались в открытое море. И так раз за разом. Сати не могла понять: неужели эти люди не боятся акул? Или они

просто не знают, что мой сын всего несколько дней назад погиб от зубов хищницы в этом самом месте?

Сидя на песке, она около часа безмысленно смотрела на них. Не могла думать ни о чем. Прошлое, некогда такое важное, куда-то незаметно подевалось. Будущее казалось где-то далеко и во мраке. Ни то ни другое почти никак не было связано с нынешней Сати. Для нее настало вечно изменчивое «настоящее время», и она механически следила глазами за однообразной картиной: серферы и волны. В какой-то момент у нее в голове промелькнуло: сейчас мне больше всего необходимо время.

Затем она поехала в ту гостиницу, где останавливался сын. У маленького грязного здания, где обычно ночевали серферы, имелся заброшенный сад. Два полуголых белых парня с длинными волосами, сидя в брезентовых креслах, потягивали пиво. Один – блондин, второй – чернявый. Помимо этого, они были похожи как лицами, так и статью. У обоих – броские татуировки на руках. Под ногами в траве валялось несколько зеленых бутылок «Роллинг Рок». Стоял легкий запах марихуаны с примесью собачьих экскрементов. За приближением Сати они следили настороженно.

– Мой сын жил в этой гостинице, а три дня назад погиб при нападении акулы, – сказала она.

Парни переглянулись.

– В смысле, Тэкаси?

– Да, Тэкаси[4 - Тэкаси – ошибочная форма распространенного японского имени Такэси.].

– Четкий был малый, – сказал блондин. – Жалко его.

– В то утро в залив вошло много черепах, – расслабленно пояснил черноволосый. – А за ними приперлись акулы. Вот. Вообще они на серферов не нападают. И мы с ними живем мирно. Хотя… ну, это… акулы тоже бывают разные.

– Я приехала заплатить за комнату сына. Наверняка остался какой-нибудь долг.

Блондин ухмыльнулся и потряс в воздухе пивной бутылкой.

– Слышь, мамаша, ты, кажется, чё-то не догоняешь. Сюда пускают только тех, кто бабки гонит наперед. Это ж дешевая ночлежка для бедных пацанов. Прикидываешь, здесь просто не бывает долгов.

– Мамаша, принести доску Тэкаси? – спросил черноволосый. – Эта акула так ее тяпнула, что перекусила пополам… зигзагом. Старая вещь «Дика Брюэра». Копы не забрали. Наверное, лежит на том же месте.

Сати покачала головой.

– Видеть ее не хочу.

– Да, жаль его, – опять повторил блондин. Похоже, другую реплику он придумать не мог.

– Четкий был малый, – сказал черноволосый. – В натуре. И серфер нехилый. Вот. Вечером перед этим мы с ним… пили здесь текилу. Ну.

В итоге Сати провела в городке Ханалей неделю. Сняла приличный коттедж и жила там, еду себе готовила на скорую руку. Прежде чем вернуться в Японию, ей так или иначе нужно было вернуть саму себя. Она купила пляжное кресло, солнечные очки, панаму и крем от загара и каждый день, сидя на взморье, разглядывала фигуры серферов. Однажды несколько раз за день начинался дождь. Сильный ливень, прямо как из ведра. Осенью погода на северном побережье Кауайи неустойчивая. Как только дождь начинался, Сати возвращалась в машину и смотрела на струи. Дождь прекращался, и она, выйдя на пляж, разглядывала море. С тех пор каждый год Сати стала бывать в городке Ханалей. Приезжала за несколько дней до годовщины гибели сына и проводила здесь три недели. Каждый раз брала пляжное кресло, шла на берег и смотрела на серферов. И больше не делала ничего. Весь день просто сидела на пляже. Так длилось больше десяти лет. Она останавливалась в той же комнате того же коттеджа, обедала, в одиночестве читала книгу в том же ресторанчике. Все это

из года в год – словно под копирку… У нее здесь появилось несколько приятных собеседников. Городок маленький, теперь уже многие помнили Сати в лицо. Ее знали как японскую мэм, у которой в этих краях акула убила сына.

В тот день она поехала в аэропорт поменять забарахлившую прокатную машину и на обратном пути в городке Капаа заприметила двух молодых японцев, пытавшихся уехать куда-то автостопом. С огромными спортивными сумками на плечах, они стояли перед «Фамильным рестораном Оно» и безнадежно держали по большому пальцу на виду у проезжавших машин. Один – высокий и долговязый, другой – коренастый крепыш. Оба – крашеные шатены с волосами до плеч. В потрепанных футболках, мешковатых шортах и сандалиях. Сати проехала было мимо, но передумала и развернулась.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

«Эй, время знаешь?» (англ.) (Здесь и далее прим. переводчика.)

2

Здесь: «Ну как, в кайф?» (англ.)

3

Имеется в виду торговый центр «Маруи» («OIOI»), расположенный по 246-му государственному шоссе, недалеко от станции Такацу.

4

Тэкаси – ошибочная форма распространенного японского имени Такэси.

Купить: https://tellnovel.com/haruki-murakami/tokiyskie-legendy-sbornik

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити